

ДЖЕК
ЛОНДОН

РОБЕРТ ФИШ

✦
Бюро заказных убийств
✦

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Джек Лондон

Бюро заказных убийств

«Издательство АСТ»

1963

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лондон Д.

Бюро заказных убийств / Д. Лондон — «Издательство АСТ»,
1963 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-146230-7

Единственный роман криминального жанра в творческом наследии Джека Лондона. Роман, идею которого подсказал писателю его друг Синклер Льюис, а закончил его по наброскам Лондона, уже много лет спустя после его смерти, лауреат премии Эдгара По знаменитый американский мастер иронического детектива Роберт Фиш. Иван Драгомилов — порядочный предприниматель с жестким кодексом чести. Его бюро принимает заказы на убийства любых лиц: от частных граждан до видных политиков, президентов, диктаторов и монархов — и гарантирует качественное исполнение работы. Одно условие: от заказчика требуется железное обоснование, что намеченная жертва в самом деле достойна смерти. А поскольку профессиональный убийца, несомненно, гибели заслуживает, Драгомилов невозмутимо принимает заказ... на самого себя. Впрочем, принципы принципами, а своя рубашка ближе к телу, так что честный убийца вовсе не собирается покорно ждать исполнения приговора...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-146230-7

© Лондон Д., 1963

© Издательство АСТ, 1963

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Джек Лондон, Роберт Фиш

Бюро заказных убийств

Jack London completed by Robert L. Fish
THE ASSASSINATION BUREAU, LTD.

© Irving Shepard, 1963

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Серийное оформление А. Кудрявцева

* * *

Роман закончен Робертом Фишем на основе набросков Джека Лондона и заметок его вдовы Шармейн Лондон.

Глава 1

Он был красив: огромные блестящие черные глаза, безупречно чистая, гладкая, шелковистая кожа оливкового цвета, копна вьющихся черных волос, в которые хотелось запустить пальцы. Таких мужчин обожают женщины, а сами они в полной мере осознают собственную неотразимость и прекрасно этим пользуются.

Высокий рост, стройная фигура и широкие мускулистые плечи великолепно сочетались с уверенными мужественными манерами. Впрочем, сейчас об уверенности говорить не приходилось: взгляд, которым он окинул комнату и проводил слугу, был скорее настороженным. Слуга был глухонемой: об этом предупредил Лениган, когда рассказывал, как посещал квартиру.

Как только дверь закрылась, он не смог сдержать дрожи, хотя само по себе пространство не выглядело ни мрачным, ни зловещим. Это была вполне обычная комната. Там, где стены оставались свободными от книжных полок, привлекали внимание гравюры и большая географическая карта. В углу, на этажерке, аккуратными стопками лежали брошюры с железнодорожными и морскими расписаниями. Пространство между окнами занимал огромный письменный стол с телефоном, а рядом, на приставной тумбе, стояла пишущая машинка. Повсюду царил безупречный порядок – свидетельство железной внутренней дисциплины и твердости духа хозяина.

Посетителя заинтересовали книги. Он подошел к полкам и наметанным взглядом осмотрел ряд за рядом. Солидные, добротнo переплетенные тома не пугали ни неведомыми именами авторов, ни экзотическими названиями. Здесь стояли собрания прозаических драм Ибсена, а также пьес и романов Шоу. Роскошные издания произведений Уайльда, Смоллетта, Филдинга, Стерна и сборник сказок «Тысяча и одна ночь» мирно соседствовали с литературой философской и социальной направленности. Почетное место на полках занимали такие книги, как «Эволюция частной собственности» Лафарга, «Маркс для студентов», сборник эссе фабианцев, «Экономическое превосходство» Брукса, «Бисмарк и государственный социализм» Доусона, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Соединенные Штаты на Востоке» Конанта и «Организованный труд» Джона Митчела. Кроме того, хозяин явно отдавал предпочтение произведениям на русском языке, и, судя по всему, его особым уважением пользовались Толстой, Горький, Тургенев, Андреев, Гончаров и Достоевский.

Посетитель перешел к журнальному столу, где в строгом порядке размещались стопки ежедневных, еженедельных и ежеквартальных периодических изданий, а с краю лежали новейшие романы – не меньше дюжины экземпляров. Придвинув стул, он устроился поудобнее, вытянул ноги, с удовольствием закурил и принялся бегло просматривать новинки. Внимание сразу привлекла тонкая книжица, на красной обложке которой что-то кричала вульгарного вида особа. Посетитель взял странное издание в руки и прочитал заглавие: «Четыре недели. Громкая книга», – но едва приоткрыл обложку, страницы ответили взрывом – немощным, но в сопровождении вспышки яркого света и столба густого дыма. Мужчина аж подскочил, высоко вскинув руки и ноги, инстинктивно отброшенная книга отлетела к стене, словно это была ядовитая змея, которую случайно схватили. Посетитель выглядел глубоко потрясенным: безупречная оливковая кожа приобрела отвратительный зеленоватый оттенок, а выразительные черные глаза были выпучены от страха.

Именно в этот момент открылась дверь из внутренних покоев и явился руководящий гений собственной персоной. При виде униженной паники незнакомца на гладко выбритом лице появилась холодная презрительная ухмылка. Он наклонился, поднял с пола книгу, раскрыл и показал игрушечное взрывное устройство.

– Стоит ли удивляться, что подобные вам существа вынуждены обращаться ко мне за помощью? – не скрывая пренебрежения, проговорил хозяин. – Вы, террористы, остаетесь для меня загадкой. Почему неудержимо тянетесь именно к тому, чего боитесь больше всего на свете? – В голосе зазвучала мрачная насмешка. – Это же всего-навсего порох. Даже если взорвете такой пистон на собственном языке, отделаетесь лишь временными неудобствами при разговоре и еде. Итак, кого вы намерены убить на сей раз?

Внешне хозяин кабинета был полной противоположностью посетителя: весь какой-то бледный, словно полинявший, со светлыми, почти как у альбиноса, по-девичьи длинными ресницами и прозрачной голубизны глазами. Голову скудно покрывали снежно-белые волосы – но это не было данью времени. Рот не отличался четкостью очертаний, а широкий высокий выпуклый лоб красноречиво свидетельствовал о выдающемся уме. По-английски джентльмен говорил слишком правильно, без малейшего акцента, что делало его речь лишенной жизни. Несмотря на недавний розыгрыш, хозяин вовсе не походил на весельчака: скорее основной чертой его характера можно признать тяжелое, мрачное достоинство. Вокруг него неизменно возникала атмосфера самодовольства и могущества в сочетании с выходящим далеко за пределы книг с сюрпризом философским спокойствием. В целом внешность этого лишенного цвета и четкости линий человека производила настолько неопределенное впечатление, что даже о возрасте трудно было что-то сказать: ему могло быть как тридцать, так и пятьдесят, а то и все шестьдесят.

– Иван Драгомилов – это вы? – осведомился посетитель.

– Я известен под этим именем, и оно ничуть не хуже любого другого, например вашего. Я прав, мистер Хаусман Уилл? Во всяком случае, именно так вы себя назвали. Я вас знаю. Вы секретарь группы Каролины Уорфилд, с которой мне уже приходилось иметь дело. Насколько помню, о вас упоминал Лениган.

Хозяин умолк, водрузил на свою лысеющую голову черную ермолку и, опустившись в кресло, добавил холодно:

– Надеюсь, претензий не возникло.

– О нет! Разумеется, нет! – поспешил заверить его гость. – Предыдущая операция прошла безукоризненно. Единственная причина, по которой мы с тех пор не обращались к вам, заключается в нехватке средств, но сейчас возникла острая необходимость покончить с Макдаффи, шефом...

– Да знаю я его, – перебил собеседник. – Шеф полиции.

– Видите ли, это настоящее чудовище, зверь! – в негодовании воскликнул Хаусман. – Бесцеремонно оскверняет наше правое дело, лишает группу лучших, избранных бойцов. Несмотря на неоднократные предупреждения, выслал из города Тауни, Цицерола и Глука. Вероломно врывается на наши собрания, а его подчиненные избивают нас как скотину. Это он ни за что бросил в тюремные застенки и подверг жестоким истязаниям четверых наших братьев и сестер.

Слушая горькое повествование о причиненных шефом полиции несчастьях, Драгомилов то и дело кивал, словно мысленно составлял список преступлений.

– Вот, например, бедолага Санджер – самая чистая и благородная душа из всех, кто когда-либо дышал отвратительным воздухом цивилизации. Семидесятидвухлетний старик с кучей болезней вот уже десять лет медленно умирает в тюрьме Синг-Синг. И где? В нашей свободной стране! И за что? – с пафосом воскликнул Хаусман и внезапно упавшим, пустым от безнадежности голосом сам себе ответил: – Да ни за что.

Гость помолчал, словно собираясь с духом, и продолжил:

– Необходимо преподать этим собакам новый кровавый урок! Нельзя допустить, чтобы они безнаказанно продолжали свои грязные делишки. На суде офицеры Макдаффи выступали как свидетели и лгали направо и налево – нам это доподлинно известно. Шеф полиции подзадер-

жался на этом свете. Время пришло. Следовало давно с ним покончить, да мы никак не могли собрать необходимую сумму. Наконец, когда поняли, что заказное убийство дешевле услуг адвокатов, бросили на произвол судьбы томящихся в тюрьме несчастных товарищей и сосредоточились на сборе денег.

– Вам, конечно, известно наше правило: мы не принимаем заказы до тех пор, пока не убедимся в социальной оправданности действий, – невозмутимо заметил Драгомилов.

– Несомненно! – воскликнул Хаусман.

– Но в данном случае, – не обращая внимания на его эмоциональность, продолжил Драгомилов, – мне уже ясно, что вы совершенно правы: казнь Макдаффи следует считать общественно полезным и целесообразным делом. Мне прекрасно известно, что это за тип, поэтому могу с уверенностью заявить, что наше расследование приведет к обоюдовыгодному решению. А теперь что касается оплаты...

– Но что, если в результате проверки вы все-таки не сочтете наш заказ социально оправданным?

– В таком случае вы получите свои деньги обратно за вычетом тех десяти процентов, что мы берем за расследование. Таково наше непреложное правило.

Хаусман достал из кармана увесистый кошель, но все же уточнил:

– Обязательно сразу оплачивать ваши услуги полностью?

– Условия вам известны, – пожал плечами хозяин с мягким укором.

– И все же я думал... надеялся... Вы же знаете, что мы, анархисты, народ небогатый.

– Именно поэтому с вас много и не беру: всего десять тысяч долларов. Сумма более чем приемлемая, особенно если учесть, что заказ на шефа полиции огромного города. Поверьте, сумма едва покрывает служебные расходы. С частных лиц мы берем значительно больше и, если бы вы были миллионером, а не представителем бедной боевой группы, за Макдаффи я спросил бы не меньше пятидесяти тысяч. К тому же сам я не могу выполнять заказы по состоянию здоровья.

– О господи! Какую же цену в таком случае назначите за короля? – воскликнул собеседник, совершенно потрясенный.

– Короли бывают разные. Скажем, английский монарх будет стоить полмиллиона долларов, ну а какой-нибудь мелкий – второразрядный или третьеразрядный – правитель обойдется заказчику в довольно скромную сумму: примерно семьдесят пять – сто тысяч долларов.

– Никогда бы не подумал, что эти бездельники так дороги, – недовольно пробормотал Хаусман.

– Именно по этой причине их и убивают редко. Далее. Не забывайте о значительных тратах на созданную мной безупречную структуру. Одни лишь дорожные расходы намного выше, чем вы предполагаете. У меня многочисленная сеть агентов, и было бы глупо думать, что они рискуют собственной жизнью просто так, из бескорыстной любви к процессу. Важно и то, что мы действуем без малейшего риска для своих клиентов. Если полагаете, что десять тысяч за жизнь шефа полиции Макдаффи – слишком дорого, то позвольте спросить: собственную жизнь цените еще ниже? Вынужден заметить, что вы, анархисты, никуда не годные работники. За что бы ни взялись, все портите или вообще попадаете в лапы полиции. Больше того: из-за вашего пристрастия к динамиту и адским машинам в городе царит паника.

– Наши казни должны проходить показательно и даже устрашающе, – с пафосом заявил Хаусман.

Начальник бюро заказных убийств кивнул.

– Да, понимаю, но суть не в этом. Как я уже сказал, столь примитивные и жестокие методы расправы чрезвычайно опасны для агентов-исполнителей. Если ваша группа позволит мне действовать посредством яда, предоставлю скидку в десять процентов, а если одобрите использование пневматической винтовки, сэкономите целых двадцать пять.

– Ни за что! – убежденно воскликнул анархист. – Подобные скрытные методы нас не устраивают. Наши убийства должны носить зрелищный, кровавый характер.

– В таком случае скидка невозможна. Вы ведь американец, мистер Хаусман?

– Да, стопроцентный американец. Родился и вырос в Соединенных Штатах, в городе Сент-Джозеф, штат Мичиган.

– Почему бы вам не убить Макдаффи самому, чтобы сэкономить общественные средства?

Анархист побледнел.

– Нет-нет, мистер Драгомилов. Ваши услуги незаменимы. К тому же темперамент не позволяет мне проливать кровь, а тем более убивать. Считаю подобные расправы невыносимыми. Ничего не поделаешь: такова натура. Теоретически готов признать справедливость убийства, но реализовать убеждение на практике не готов: просто не в состоянии лишить человека жизни, и все тут. Изменить собственную природу невозможно. Даже мухи не обижу.

– Тем не менее состоите в боевой организации.

– Да, сознаю противоречие, но таковы мои убеждения: никогда не смог бы присоединиться к философскому направлению толстовцев с их идеей непротивления злу насилием. Не готов подставить вторую щеку, как, например, члены группы Марты Браун. Если меня ударят, непременно дам сдачи...

– Чужими руками, – сухо добавил Драгомилов.

Хаусман поклонился.

– Да, вынужден это признать. Поскольку другого выхода нет, вот деньги.

Пока Драгомилов пересчитывал толстую пачку, посетитель предпринял последнюю попытку извлечь выгоду.

– Ровно десять тысяч долларов, и ни центом меньше. Берите и помните, что в этих деньгах сосредоточена преданность и жертвенность многих десятков наших товарищей, с трудом позволивших себе внести требуемую лепту. Не могли бы вы... уж заодно прикончить инспектора Моргана – еще одного лютого зверя?

Драгомилов покачал головой.

– Сожалею, но вынужден отказать. Ваша группа и так получила самую большую скидку из всех возможных.

– Ну что вам стоит: расквитаться с обоими полицейскими одной бомбой? – не унимался посетитель.

– Ни в коем случае! Прежде всего мы тщательно проверим шефа Макдаффи и определим, существует ли моральное оправдание казни. Если окажется, что никаких оснований с социальной точки зрения...

– Что же тогда будет с деньгами? – в тревоге перебил его Хаусман.

– Как я уже сказал, мы вам их вернем за исключением необходимых для проведения расследования десяти процентов.

– А если убийство сорвется?

– Если не удастся выполнить заказ до конца года, вернем деньги полностью и добавим пять процентов неустойки.

Показывая, что аудиенция окончена, Драгомилов нажал кнопку звонка и встал. Последовав примеру хозяина, Хаусман воспользовался ожиданием слуги, чтобы задать еще один вопрос.

– А вдруг вы умрете? Ну, скажем, в результате несчастного случая, внезапной тяжелой болезни или еще какой-нибудь напасти? Что тогда станет с деньгами? Расписку вы мне не дали: предварительная оплата пропадет.

– Не беспокойтесь, работа налажена четко, и все предусмотрено. Бюро немедленно возглавит руководитель чикагского филиала – до тех пор, пока не придет мой заместитель из Сан-Франциско. Не далее как в прошлом году произошел именно такой случай. Помните Бургеса?

– Какого Бургеса?

– Железнодорожного магната. Наш агент, как обычно, провел необходимую подготовительную работу, заранее получив оплату. Разумеется, каждый шаг операции был предварительно согласован со мной. А потом почти одновременно произошло два события: Бургес погиб в железнодорожной катастрофе, а наш агент умер от пневмонии. Тем не менее деньги были возвращены заказчику. Я лично за этим проследил, хотя в данном случае правила фирмы возврата не предусматривали. Долгая успешная деятельность нашего бюро доказывает кристальную честность по отношению к клиентам. Поверьте: при работе за рамками закона малейшее отклонение от строжайшей пунктуальности оказалось бы губительным. Что же касается Макдаффи...

В этот момент в комнату вошел слуга, и Хаусман жестом призвал к молчанию. Драгомилов улыбнулся.

– Не волнуйтесь: он ничего не слышит.

– Но вы же только что вызвали его звонком. И, кроме того, он открыл мне дверь, как только я нажал кнопку.

– Звук ему заменяет электрическая лампочка. За всю жизнь бедняга не услышал ни единого звука, а речь понимает по движению губ. Так вот, что касается Макдаффи. Вы хорошо подумали, прежде чем его заказать? Не забывайте, что, обратившись к нам, вы уже практически осуществили задуманное. Мы ведем бизнес только так и никак иначе: строго придерживаемся собственных правил. Поступивший заказ уже невозможно ни отозвать, ни отменить. Такое положение вас устраивает?

– Вполне. – Хаусман помедлил возле двери. – Когда можно надеяться услышать известие... об исполнении?

Драгомилов на миг задумался.

– Не позднее чем через неделю. В вашем случае потребуется чисто формальное расследование, а сама операция крайне проста. Мои люди всегда на месте. Доброго дня.

Глава 2

Неделю спустя, во второй половине дня, возле внушительного вида здания русской конторы «С. Константин и К^о» остановился автомобиль. Ровно в три часа Сергиус Константин вышел из своего кабинета и, продолжая давать указания провожавшему его сотруднику, направился к машине. Если бы в этот момент его увидели Хаусман или Лениган, то наверняка немедленно узнали бы, однако не под именем Сергиуса Константина. Оба уверенно заявили бы, что этот человек не кто иной, как Иван Драгомилов.

Обладатель двух имен уверенно сел за руль и повел автомобиль на юг, в сторону густонаселенного Ист-Сайда. По пути остановился и купил газету у мальчишки-разносчика, привлекавшего внимание громкими криками: «Экстренный выпуск!» Прежде чем поехать дальше, просмотрел заголовки и прочитал короткую заметку, сообщавшую о новом преступлении анархистов и гибели в соседнем городе шефа полиции Макдаффи. Когда Сергиус Константин – он же Иван Драгомилов – положил газету на соседнее сиденье и включил мотор, лицо его оставалось спокойным, но на нем появилось выражение удовлетворенности. Созданная его умом, талантом и способностями организация работала слаженно, без единого сбоя. По результатам расследования было принято решение, исполнитель получил приказ, и Макдаффи был казнен. Сергиус Константин с улыбкой остановился перед современным многоквартирным домом на окраине одной из самых грязных трущоб Ист-Сайда. Отличное настроение ему подарила не только грамотно проведенная акция, но и осознание, что они опять утерли нос Каролине Уорфилд, группа которой никак не могла решиться на собственноручные казни.

Лифт вознес Сергиуса Константина на верхний этаж, он вышел и нажал кнопку звонка. Дверь открыла девушка лет двадцати, бросилась ему на шею и принялась целовать, осыпая нежными русскими именами. Он же, в свою очередь то и дело приговаривал: «Груня... моя Груня...»

Девушка, наконец выпустив гостя из объятий, проводила его в очень уютную комнату – удобную и со вкусом обставленную даже по меркам образцового богатого дома в Ист-Сайде. Мебель и убранство гостиной свидетельствовали о тонком вкусе и культуре. Пространство между окнами занимали книжные шкафы, на низком столике лежало множество журналов, а в дальнем углу стоял рояль.

– Надо было позвонить, – грудным голосом проворковала по-английски девушка без малейшего намека на акцент. – Ведь мог меня и не застать: приезжаешь до того нерегулярно, что не знаешь, когда тебя ждать.

Сергиус Константин устроился на устланном подушками широком подоконнике и, положив газету рядом, воззрился на красавицу блондинку.

– Дорогая, ну зачем начинать встречу с выговора? Разве я похож на одного из твоих питомцев, чтобы выслушивать приказы, когда следует умыться, а когда сморкаться? Приехал в надежде застать тебя дома, но главным образом для того, чтобы опробовать новый автомобиль. Не желаешь ли немного прокатиться?

Груня покачала головой.

– Только не сегодня. В четыре ожидаю посетителя.

– Понятно. – Сергиус Константин взглянул на часы. – Да, вот еще что: не хочешь провести выходные в поместье? Без нас Эдж-Мур совсем захиреет.

– Была там только три дня назад. – Груня обиженно надула губки. – Кроссет сказал, что ты не появлялся почти месяц.

– Прости, был очень занят. Зато теперь могу бездельничать целую неделю, так что наверстаю упущенное. Да, кстати: с чего бы вдруг Кроссету вздумалось доложить тебе, что я не приехал целый месяц? Уж не оттого ли, что тебя и самой все это время не было?

– Выкрутился! Была занята, как и ты. – Груня рассмеялась и с нежностью погладила руку гостя.

– Так поедешь?

– Сегодня только понедельник, – задумчиво проговорила Груня. – Поеду, если не произойдет ничего непредвиденного и если... – Она умолкла и лукаво взглянув на гостя, добавила: – Если позволишь взять с собой друга. Уверена, что он тебе понравится.

– О-хо-хо! И кто же он? Не иначе один из твоих длинноволосых социалистов.

– Нет, не угадал: волосы у него короткие. Но, дорогой дядюшка, тебе не пристало повторять низкопробные шуточки. В жизни не встречала ни одного длинноволосого социалиста. А ты?

– Тоже. Зато не раз видел, с каким азартом они накачиваются пивом, – усмехнулся Сергиус Константин.

– Будешь наказан! – Груня схватила подушку и угрожающе замахнулась. – Как говорят мои подопечные, сейчас снесу тебе голову! Вот! Вот! И вот!

– Груня, прекрати! – задыхаясь, взмолился Сергиус в промежутках между ударами. – Это неприлично! Нельзя так обращаться с родным дядей, который уже далеко не молод.

– Шутник, однако! – Бойкая племянница освободила узника из подушечного плена, взяла за руку и напомнила: – Подумать только! Совсем недавно эти пальцы рвали пополам картонную колоду и сгибали серебряные монеты!

– Все это в прошлом. А сейчас я уже почти старик.

Сергиус Константин расслабил ладонь в ее руке, изображая слабость и немощь, чем вызвал новую волну негодования. Груня положила ладонь на его плечо и скомандовала:

– Ну-ка напряги мышцы!

– Ой, не могу! – закандючил дядюшка, не прилагая ни малейших усилий. – Ах! Ох! Вот все, на что способен. Видишь, совсем ослаб. С возрастом мышцы становятся дряблыми и слабыми.

Девушка разозлилась не на шутку и даже сердито топнула ногой.

Сергиус Константин решил наконец уступить и подчинился. Через мгновение бицепсы его налились мощью, и на лице племянницы вместе с удовлетворением отразилось восхищение.

– Твердые как железо! Да ты силен как бык! А то сидит тут, изображает бог знает кого... Да если бы мне хоть раз пришлось ощутить твою силу, я бы тотчас умерла.

– Не забывай об этом и цени! – назидательно заметил Сергиус. – Когда ты была маленькой и постоянно шалила, добрый дядюшка ни разу тебя даже пальцем не тронул, ни разу не шлепнул.

– Ах, дядя! Не потому ли, что физические наказания противоречили твоим убеждениям?

– Верно. Но если эти убеждения подвергались испытанию, то только тобой, особенно когда тебе было лет пять-шесть. Да, дорогая Груня, не хочу тебя обижать, но должен честно признаться, что в детстве ты была варваром, дикаркой, пещерным ребенком, диким зверенышем из джунглей, настоящим дьяволенком, маленьким волчонком – не признавала ни правил поведения, ни манер...

В очередной раз занесенная над головой подушка заставила гостя умолкнуть и прикрыться руками.

– Немедленно прекрати! – строго потребовал Сергиус Константин. – Судя по твоему поведению, мало что изменилось: разве что волчонок стала взрослой волчицей. Ведь тебе уже исполнилось двадцать, не так ли? Ощущаешь собственную силу и начинаешь испытывать ее на мне. Но учти: в следующий раз, когда попытаешься напасть, получишь хорошую взбучку, даже несмотря на то что теперь ты молодая леди, хоть и довольно крупная молодая леди.

– Ах вот как! Ты хочешь сказать, что я толстая? – Груня вытянула руку. – На-ка, потрогай! Одни мышцы. Вешу сто двадцать восемь фунтов. Возьмешь свои слова обратно?

Подушка снова взлетела и обрушилась дядюшке на голову. Со смехом, ворчанием и притворными криками тот пытался защититься, прикрывая голову руками. К счастью, в разгар битвы в комнату вошла горничная с самоваром, и Груня отступила, чтобы заняться чаем.

– Одна из твоих воспитанниц? – поинтересовался Константин, едва девушка скрылась из виду.

Груня кивнула.

– Выглядит неплохо, – заметил он. – Во всяком случае, лицо чистое.

– Не позволю насмехаться над моей работой в колонии, – улыбнулась Груня, передавая ему чашку с ароматным напитком. – Я разрабатываю собственную программу социализации трудной молодежи. Ты теперь даже не поверишь, что вытворял в двадцать лет.

Сергиус Константин покачал головой и задумчиво проговорил:

– Возможно, всего лишь был мечтателем.

– Ты много читал, учился, но ничего не сделал для общественного блага, ни разу даже руки ни на кого не поднял.

– Да, не поднял, – грустно повторил Сергиус Константин, но в этот момент взгляд упал на заголовок, кричавший о смерти Макдаффи, и он с трудом спрятал искривившую губы улыбку.

– Вот он, русский характер! – воскликнула Груня. – Размышление, изучение, анализ и самоуглубление. Все, что угодно, кроме поступков и реального действия. Но я... – В молодом звонком голосе зазвучал триумф. – Я принадлежу к новому поколению, первому американскому поколению...

– Ты родилась в России, – сухо возразил Константин.

– Но выросла в Америке: приехала сюда совсем маленькой, так и не узнав никакой другой родины, кроме этой страны практического действия. И все же, дядюшка, оставив бизнес, ты смог бы стать великой общественной силой.

– Лучше подумай о собственной жизни. Не забывай, что только благодаря моему бизнесу ты имеешь возможность продолжать работу. Видишь ли, творю добро... – Он вспомнил мягкосердечного террориста Хаусмана. – Творю добро чужими руками. Да, вот так. Точнее говоря, твоими руками.

– Понимаю, как понимаю и то, что не должна произносить таких слов, – горячо возразила Груня. – Ты избаловал меня. Отца я не знала, так что не будет изменой признаться, что его место занял ты. Даже отец не смог бы относиться ко мне лучше.

Вместо подушек на сидевшего на широком подоконнике джентльмена с невыразительной внешностью и стальными бицепсами обрушился град благодарных поцелуев.

– А как обстоят дела с твоим анархизмом? – с усмешкой поинтересовался Сергиус Константин главным образом для того, чтобы скрыть смущение. – Несколько лет назад казалось, что ты постепенно превращаешься в преданную сторонницу красных террористов, готовых нести разрушение и смерть всем приверженцам установленного социального порядка.

– Да, когда-то я действительно чуть не ступила на опасную дорожку, – неохотно согласилась Груня.

– Чуть было! – возмутился Сергиус Константин. – Да ты всю кровь из меня выпила, стараясь убедить бросить бизнес и посвятить себя делу гуманизма. Если помнишь, слово «дело» писала исключительно заглавными буквами, а потом занялась работой в трущобах, то есть фактически вступила в сотрудничество с врагами: начала помогать жертвам той системы, которую сама же презирала и ненавидела...

Груня протестующе подняла было руку, но дядя продолжил:

– А как еще назвать все, что ты делаешь? Клубы для юношей, клубы для девушек, клубы для молодых мам. А ясли для детей работающих женщин! Взяв на себя заботу о малышах, пока матери зарабатывают на кусок хлеба, ты лишь способствуешь эксплуатации женского труда!

– Но, дядя, я уже оставила проект яслей, и ты об этом знаешь.

Он кивнул и добавил, но уже мягче:

– И еще кое-что. Ты становишься по-настоящему консервативной, погружаешься в социалистические настроения, а из таких людей революционеры не получаются.

– А я, милый дядюшка, вовсе к этому не стремлюсь. Социальное развитие – процесс медленный и болезненный, коротких и легких путей в нем нет. Приходится обдумывать каждый шаг. О, я по-прежнему придерживаюсь идеи философского анархизма: собственно, как и всякий умный социалист – но с каждым днем все яснее вижу, что идеальная свобода анархического государства может быть достигнута исключительно через промежуточную стадию социализма...

– Как его зовут? – неожиданно, без малейшей связи с предыдущей темой спросил Сергиус Константин.

– Кого? – Девушка смутилась и залилась румянцем.

В ожидании ответа дядюшка осторожно отхлебнул горячего чая.

Совладав с чувствами, Груня серьезно ответила:

– Скажу в субботу вечером, в Эдж-Муре. Он... он не из длинноволосых.

– Ты о нем говорила?

Она кивнула.

– А до тех пор придется потерпеть.

– Ты... – с вопросительной интонацией проговорил дядя, и Груня быстро ответила:

– Думаю, да!

– Он объяснился?

– Да... и нет. Привык многое принимать как данность. Потерпи до встречи. Уверена, дядя Сергиус, что ты сразу его полюбишь и проникнешься уважением к оригинальному образу мыслей. Это он должен прийти сегодня в четыре часа. Будь добр, дождись, пожалуйста.

Однако добрый дядюшка Сергиус Константин, он же непреклонный Иван Драгомилов, взглянул на часы и решительно встал.

– Прости, не могу. Так что, Груня, в субботу привози гостя в Эдж-Мур, и тогда я сделаю все, что от меня зависит, чтобы проникнуться теплыми чувствами. Да и времени на общение будет больше, чем сейчас: я собираюсь провести в поместье целую неделю. Если между вами все всерьез, уговори друга тоже погостить подольше.

– Ах, он так занят! С трудом добилась согласия приехать хотя бы на выходные.

– Бизнес?

– Не то чтобы... Несмотря на то что он очень богат, много времени посвящает труду на пользу социального блага. В общем, его есть за что уважать.

– Надеюсь... дорогая.

С этими словами Сергиус Константин обнял племянницу на прощание и удалился.

Глава 3

Спустя несколько минут явился Уинтер Холл. Груня его встретила, с самым серьезным видом напоила чаем и завела светскую беседу – если можно так назвать разговор о последнем произведении Горького и свежих новостях русской революции, о благотворительном учреждении под названием «Дом Халла» и забастовке белошвейек.

В ответ на изложенные Груней планы усовершенствования социальной помощи Уинтер Холл возразил, покачав головой:

– В трущобах Чикаго Дом Халла служил местом просвещения и ничем другим. Трущобы значительно разрослись, а вместе с ними – порок и злодейство. Дом Халла как идеалистический проект развалился. Невозможно спасти дырявую лодку, если только вычерпывать воду: нужны кардинальные меры.

– Понимаю, понимаю, – была вынуждена согласиться Груня.

– Или возьмем бараки, – увлеченно продолжил Холл. – К концу Гражданской войны в Нью-Йорке их насчитывалось шестьдесят тысяч. С тех пор против них постоянно ведутся чуть ли не крестовые походы: многие непримиримые противники посвятили этой борьбе всю жизнь. Тысячи, десятки тысяч активных граждан поддерживали движение не только морально, но и материально, жертвуя на это огромные суммы. Неудобные здания сносились, а на их месте возникали скверы и детские площадки. Шла упорная, а порой и жестокая война. И что же в итоге? Сейчас, в тысяча девятьсот одиннадцатом году, в Нью-Йорке насчитывается триста тысяч барачников.

Он пожал плечами и отпил чаю.

– Рядом с тобой я все яснее и яснее понимаю, – призналась Груня, – что свобода, не ограниченная созданными людьми законами, может быть достигнута только путем эволюции, включая стадию чрезмерных правил, которые способны приравнять нас почти к автоматам. Иными словами, социалистическую стадию. Но лично я не захотела бы жить в социалистическом государстве: это было бы равносильно безумству.

– Значит, предпочитаешь дикость и жестокость нынешнего коммерческого индивидуализма скрыть за блестящей красивой оболочкой? – жестко уточнил Уинтер.

– Возможно... Однако стадия социализма неизбежно должна наступить: я в этом не сомневаюсь, – из-за неспособности людей усовершенствовать окружающий мир.

Груня внезапно умолкла, одарила гостя ослепительной улыбкой и заявила:

– Но с какой стати нам сидеть в четырех стенах и вести скучные заумные разговоры, когда на улице такая прекрасная погода? Почему ты не уезжаешь из города, чтобы подышать свежим воздухом?

– А ты сама? – в свою очередь спросил Уинтер Холл.

– Слишком занята.

– Вот и я тоже. – Он замолчал, явно о чем-то раздумывая, отчего лицо его приняло угрюмое, мрачное выражение, потом добавил: – По правде говоря, я еще ни разу в жизни не был так занят и не приближался к завершению столь масштабного дела.

– Но ведь не откажешься приехать на выходные к нам в Эдж-Мур и познакомиться с моим дядюшкой? – с надеждой спросила Груня. – Он был у меня сегодня: ушел всего несколько минут назад, – и предложил нам провести неделю за городом.

Уинтер Холл покачал головой.

– Очень хочу с ним познакомиться и готов приехать на выходные, но остаться на целую неделю никак не могу. Предстоящее дело действительно очень важно. Только сегодня нашел то, что искал в течение нескольких месяцев.

Пока Холл говорил, Груня смотрела на него так, как способна только влюбленная женщина, которая знает каждую линию и каждую черточку: от изогнутой арки сросшихся бровей до четко определенных уголков губ; от мужественного подбородка до жесткой линии скул. А вот Холл – пусть даже влюбленный – не знал лицо девушки столь же хорошо. Да, он любил ее, но чувство не рождало внимания к микроскопическим подробностям облика. Если бы его попросили описать возлюбленную, то он смог бы передать ее внешность лишь в общих чертах: живые мягкие изящные линии, невысокий гладкий лоб, всегда идеально причесанные светло-каштановые, с легким рыжеватым отливом волосы, улыбочивые ярко-синие глаза, румянец на щеках, очаровательные пухлые губы и неопишимо чудесный голос. Точно так же не стиралось впечатление чистоты, здоровья, благородной серьезности, легкой насмешливости и блестящего ума.

Груня же видела перед собой хорошо сложенного мужчину тридцати двух лет со лбом мыслителя и всеми характерными признаками общественного деятеля. Голубоглазый и светловолосый, он отличался особым, чисто американским бронзовым цветом лица, характерным для всех, кто много времени проводит вне помещения. Уинтер Холл часто улыбался, а уж если смеялся, то от всей души. И все же в минуты молчания лицо его нередко замыкалось и принимало суровое, почти жесткое выражение. Ценившая силу, но не принимавшая жестокость, Груня порой пугалась мимолетных проявлений тайной стороны твердого характера.

Уинтер Холл представлял собой достаточно необычный продукт эпохи. Несмотря на благополучное счастливое детство и оставшееся от отца и двух незамужних тетюшек щедрое наследство, он очень рано посвятил себя делу общественного блага. В колледже изучал политэкономия и социологию, и в среде менее серьезных однокурсников заслужил репутацию зубрилы и зануды. Получив диплом, поначалу присоединился к Риису в работе социальных центров, причем поддерживал предприятия не только собственными усилиями, но и деньгами, однако, потратив на эту деятельность колоссальное количество энергии и времени, Холл разочаровался в самой идее и решил понять суть вещей, первоначальную причину всех причин, для чего занялся изучением политики, а затем переключился на разоблачение финансовых махинаций в пространстве от Нью-Йорка до Олбани, не забыв также о столице.

После нескольких лет бесплодных усилий Уинтер Холл обосновался в университетском городке – а по сути, центре радикального движения – и решил начать очередной этап обучения с постижения основ жизни. Целый год провел в скитаниях по Америке в качестве разнорабочего, а еще год посвятил бродяжничеству, добровольно разделяя невзгоды, лишения и редкие радости бездомных и воров. В течение двух лет трудился в благотворительном приюте в Чикаго, где за пятьдесят долларов в месяц выполнял самую тяжелую и грязную работу. И вот в результате накопленного жизненного опыта он превратился в социалиста – «социалиста-миллионера», как окрестила его пресса.

Уинтер Холл много путешествовал, не уставая изучать окружающий мир в конкретных проявлениях. Посещал все национальные и интернациональные учреждения организованного труда, а накануне надвигавшегося кризиса революции 1905 года провел целый год в России. Серьезные журналы напечатали множество его статей. Кроме того, из-под смелого пера вышло несколько прекрасно написанных, глубоких, вдумчивых книг – для социалиста почти консервативных.

Вот с таким человеком Груня Константин пила чай и беседовала, усевшись на подоконник своей уютной квартиры в Ист-Сайде, и пыталась уговорить отдохнуть за городом.

– Вовсе незачем сидеть в пыльном городе! Даже представить не могу, что заставляет тебя...

Она не договорила, заметив, что Уинтер больше ее не слушает, устремив взгляд на лежащую рядом газету. Мгновенно забыв обо всем на свете, он схватил ее и принялся жадно читать.

Груня очаровательно надула губки, однако Уинтер не заметил и этого, и ей пришлось сказать, чтобы привлечь внимание к собственной персоне:

– Очень мило с твоей стороны читать газету, когда я с тобой разговариваю.

Уинтер Холл повернул страницу так, чтобы она смогла увидеть заголовок статьи об убийстве шефа полиции Макдаффи, однако понимания не встретил.

– Прости, Груня, но, увидев это, забыл обо всем на свете. Это и есть причина моей вечной занятости, именно поэтому я должен безвылазно сидеть в Нью-Йорке и не могу позволить себе остаться с тобой за городом дольше, чем на выходные, хотя с радостью задержался бы на целую неделю.

– Не понимаю, – пробормотала Груня. – Какое отношение к тебе имеет то, что где-то в другом городе террористы взорвали какого-то шефа полиции?

– Сейчас объясню. Прошло уже почти два года с тех пор, как я заподозрил неладное, а потом подозрения переросли в уверенность. В результате вот уже нескольких месяцев я упорно занимаюсь поисками самой жестокой террористической организации не только Соединенных Штатов, но и, не сомневаюсь, всего мира.

Помнишь историю с Джоном Моссманом, который выбросился из окна седьмого этажа конторы фирмы «Фиделити»? Моссмана я знал с детства, он был другом моего отца. Причин покончить с собой у него не было. Корпорация «Фиделити» процветала, равно как и все другие начинания крупного бизнесмена. Семейная жизнь складывалась вполне счастливо, здоровье было отменным. Ничто на свете не могло сподвигнуть жизнерадостного Джона Моссмана на самоубийство. И все же, не дав себе труда вникнуть в суть дела, полиция не нашла в его поступке ничего странного, указав в заключении как причину невралгию – воспаление тройничного нерва – болезнь неизлечимую и невыносимую. Только никакой невралгии у Джона Моссмана не было и в помине. В день его гибели мы встречались за ленчем, и я точно знаю, что никакой боли он не испытывал. Для верности я все же проконсультировался у его лечащего врача, и он подтвердил, что это полная чушь. Джон Моссман не мог совершить самоубийство. В таком случае кто его убил? Почему? За что столкнули вниз этого преуспевающего человека? Кому это понадобилось?

Скорее всего история стерлась бы из моего сознания как неразрешимая тайна, если бы спустя три дня из пневматической винтовки не застрелили губернатора Нортгемптона. Помнишь? Прямо на оживленной улице кто-то выпустил несколько пуль из одного из тысяч обращенных на мостовую окон. Преступника так и не нашли. Время от времени я читал сообщения о подобных смертях и постепенно начал замечать некую закономерность в статистике несчастных случаев и самоубийств по стране.

Не стану перечислять весь длинный список, назову лишь некоторые имена. Например, Борф – профсоюзный деятель из Саннингтона, мошенник каких мало. Много лет он держал город в кулаке, ловко уходил от всевозможных ревизий. Когда же проверили его счета, то обнаружили на них полдюжины миллионов. Произошло это уже после того, как Борф завладел всей политической системой штата. А как только взобрался на вершину могущества и коррупции, его благополучно прикончили.

Были и другие жертвы: шеф полиции Литл; крупный предприниматель Велхорст; хлопковый король Бланкхерст; найденный в Ист-Ривер инспектор Сатчерли и так далее. Ни в одном из этих прискорбных случаев преступники так и не были установлены. Последовали также убийства светских лиц: на охоте погиб Чарли Атуотер; лишились жизни миссис Лангтон-Хейвардс, миссис Хастингс-Рейнолдс, старик Ван Остен... Список можно продолжать, он очень длинный.

Все это убедило меня, что в подобных странных случаях дело не обходилось без участия крупной организации, а не просто какой-нибудь банды типа «Черной руки». Убийства не ограничивались рамками одной национальности или определенной социальной группы. Первой,

конечно, пришла в голову мысль об анархистах. Прости, Груня... – Уинтер крепко сжал ее ладонь. – Слышал о тебе немало разговоров, в том числе сплетен насчет тесной связи с террористическими группами. Знал, что немало денег ты тратишь на поддержку идейных волонтеров, и серьезные подозрения были. Полагая, что с твоей помощью подберусь поближе к анархистам, я и познакомился с тобой. Да, признаюсь: я пришел к тебе с корыстными намерениями, а остался по любви. Тогда ты уже начала работать в колонии... и вовсе не производила впечатления убежденной террористки.

– И ты остался, чтобы разубедить меня в ценности этой работы, – рассмеялась Груня и прижала его руку к щеке. – Но продолжай: все это очень интересно.

– Чем ближе я знакомился с анархистами, чем лучше их узнавал, тем больше убеждался, что они не способны на подобное: слишком уж непрактичны для столь сложной и опасной деятельности, ограничиваются мечтами, идеалистическими теориями и претензиями к полиции, а в реальности ничего не добиваются. Устраивают шумиху и постоянно сами попадают в разнообразные неприятности. Конечно, речь идет о боевых группах. Что же касается последователей Толстого и Кропоткина, то те ограничиваются академическим философствованием: мухи не обидят.

Не сложно заметить, что убийства совершенно разные. Если бы прослеживались исключительно политические или социальные мотивы, то скорее всего исполнителем оказалось бы какое-нибудь тайное сообщество, но среди жертв есть как крупные коммерсанты, так и светские персонажи, поэтому я решил, что к преступлениям каким-то образом причастен более широкий круг лиц. Но как же именно? После долгих размышлений я пришел к выводу, что перед ними ставится задача уничтожить конкретного человека. Но на кого именно падает роковой выбор? Вот здесь возникла неразрешимая проблема. Найти фирму, готовую решить задачу за меня, не удалось. В этой точке проявилась ошибочность рассуждений, да и самой гипотезы. Беда в том, что мне отчаянно не хотелось никого убивать.

Но это несоответствие определилось позже – когда однажды в клубе мой приятель Кобурн рассказал полудюжине собравшихся завсегдатаев о том, что произошло с ним. Сам он воспринял событие всего лишь как любопытный случай, однако я заметил кое-что иное. Кобурн шел пешком по Пятой авеню в сторону центра, когда рядом с ним остановился мотоцикл, и одетый механиком мужчина сделал ему странное предложение: если господину угодно отправить кого-нибудь на тот свет, то сделать это можно тихо, легко и без хлопот – на что Кобурн ответил, что готов собственноручно разmozжить ему голову. Незнакомец тут же вскочил на мотоцикл и умчался прочь.

А вот теперь самое главное. Дело в том, что Кобурн переживал тяжелый период. Некоторое время назад партнер Маттисон надул его на огромную сумму (если понимаешь, что означает это слово), после чего сбежал в Европу вместе с его женой. Видишь связь? Во-первых, Кобурн имел, или мог иметь, или должен был иметь острое желание отомстить Маттисону, а во-вторых, благодаря газетам история получила широкую огласку.

– Теперь ясно! – взволнованно воскликнула Груня. – Недостаток твоей гипотезы заключался в следующем: поскольку ты не мог огласить предполагаемое желание кого-то убить, организация не располагала информацией, позволяющей сделать тебе соответствующее предложение.

– Все верно. Вот только я нисколько не продвинулся в расследовании. Впрочем, в некотором отношении все-таки сделал шаг вперед: осознал, каким образом можно получить доступ к организации и ее услугам, затем, учитывая это обстоятельство, по-новому взглянул на таинственные, странные убийства и заметил, что в обществе им почти всегда предшествовал громкий, а порой и сенсационный скандал. Что же касается коммерческих убийств... По большей части темные дела крупных бизнесменов так или иначе получают известность, даже если не попадают в газеты. Когда Хоторна обнаружили мертвым на собственной яхте, во всех клубах

несколько недель подряд обсуждались его махинации в борьбе с картелем. Скорее всего ты не помнишь, но в свое время газеты раздули громкие сенсации из скандалов между Этуотером и Джонсом, а также между Лангторном и Хейвордсом.

В итоге я сделал вывод, что это сборище убийц должно специализироваться на жертвах, занимающих высокое положение в политических, деловых или светских кругах. Стало ясно, что далеко не всегда потенциальные клиенты отвергают их предложения так же категорично, как это сделал Кобурн. Внимательно глядя вокруг, я стал искать ответ на вопрос, кто из людей, с которыми приходилось встречаться в клубах или на заседаниях советов директоров, мог оказывать покровительство преступной фирме. Я уже не сомневался в том, что знаком с ними. Но кто же конкретно замешан в створе? Согласись, попросить адресок умельцев, помогавших убирать с дороги врагов, было бы странно.

И вот наконец совсем недавно я получил ключ к разгадке. Все это время без устали следил за теми из друзей, кто занимал видное положение в какой-нибудь сфере жизни, а как только кто-то из них попадал в серьезную неприятность, старался держаться как можно ближе. Некоторое время тактика результатов не приносила, хотя один из знакомых почти наверняка воспользовался услугами организации: не прошло и полугода, как виновник его бед покончил с собой, – во всяком случае, по мнению полиции.

Но мой час все-таки настал. Тебе, конечно, известно, какой фурор несколько лет назад произвела свадьба Глэдис Ван Мартин и барона Портоса де Муэна. Один из несчастных международных браков. Дело в том, что барон проявил себя настоящим зверем: обобрал бедную Глэдис и бросил. Подробности этого происшествия всплыли совсем недавно и оказались не просто страшными, а поистине чудовищными. Он так жестоко избил жену, что поначалу доктора опасались за ее жизнь, а потом – за сохранность рассудка. При всем этом по французским законам при разводе двое сыновей оставались с отцом.

В колледже я учился с братом Глэдис, Перси Ван Мартином, а потому постарался не только возобновить знакомство, но и сблизиться. В течение последних нескольких недель мы часто виделись. И вот пару дней назад свершилось то событие, которого я ждал, причем Перси сам рассказал мне о нем. Организация предложила свои услуги. В отличие от Кобурна Ван Мартин не прогнал агента, а потрудился выслушать и выяснил, что если считает необходимым продолжить сотрудничество, то должен поместить в своей колонке в газете «Геральд» единственное слово: «Месопотамия». Я убедил Перси доверить это мне, после чего встретился в качестве доверенного лица и поговорил с представителем организации, однако тот оказался всего лишь мелким агентом. Эти люди чрезвычайно осторожны и изворотливы, но сегодня предстоит встреча с их руководителем: время и место уже согласованы. И тогда ...

– Да-да! – поторопила его Груня. – Что же тогда?

– Не знаю... – немного растерялся Холл. – Пока не думал.

– Но ведь это очень опасно!

Гость ободряюще улыбнулся.

– Не думаю, что существует значительный риск. Предстоит всего лишь договориться с фирмой о конкретном деле, а именно об устранении бывшего мужа Глэдис Ван Мартина. Вряд ли они практикуют убийство клиентов.

– А если они выяснят, что ты вовсе не клиент? – встревожилась Груня.

– В эту минуту меня рядом не будет. К тому же окажется, что сводить счета уже слишком поздно, и причинить мне вред они не смогут.

– Будь осторожен. Пожалуйста, будь осторожен, – взмолилась Груня, когда спустя полчаса влюбленные прощались возле двери. – Приедешь на выходные?

– Обязательно.

– Встречу тебя на станции.

– А потом познакомишь со своим грозным дядюшкой. – Уинтер театрально вздрогнул. – Надеюсь, он все-таки не великан людоед.

– Уверена, что он тебе понравится! – рассмеялась Груня. – Лучший на свете дядя, добрее и нежнее многих отцов: никогда и ни в чем мне не отказывает. Даже в...

– В свиданиях со мной? – перебил Уинтер Холл.

Груня хотела ответить с равной смелостью и прямоотой, однако не смогла: покраснела, потупилась – а уже в следующий момент едва не задохнулась в жарких объятиях.

Глава 4

– Значит, вы и есть Иван Драгомилов?

Уинтер Холл с любопытством посмотрел на заполненные книгами полки и снова обратился к не пожелавшему подняться с кресла бесцветному блондину в черной ермолке.

– Должен сказать, что попасть к вам на прием весьма непросто. Хочется верить, что... работа вашего бюро столь же секретна и эффективна.

Драгомилов едва заметно, но удовлетворенно улыбнулся и предложил, указав на кресло напротив окна, свет из которого падал на лицо посетителя:

– Присаживайтесь.

Холл еще раз посмотрел вокруг.

– Честно говоря, удивлен.

– Должно быть, ожидали увидеть головорезов и бандитское логово? – любезно уточнил Драгомилов.

– Нет, что вы! Ясно, что руководство операциями вашего... предприятия требует острого, даже изощренного ума.

– Скажу без ложной скромности: вы правы.

– Позвольте спросить: давно ли вы в бизнесе?

– Одиннадцать лет активной работы, хотя тактическая подготовка началась значительно раньше.

– Не возражаете, если мы поговорим на эту тему?

– Определенно нет, – ответил руководитель фирмы. – Как клиент вы с нами в одной лодке: интересы полностью совпадают, а поскольку клиентов после исполнения заказа мы никогда не шантажируем, у них нет причин держать на нас обиду. Небольшое количество важной информации вреда не причинит, поэтому не боюсь признаться, что горжусь своей организацией.

– Не могу понять, почему именно это, – признался Уинтер Холл. – Меньше всего вы похожи на предводителя убийц.

– А вы, в свою очередь, меньше всего похожи на человека, нуждающегося в профессиональных услугах специалистов такого свойства, – отрезал хозяин кабинета, – хотя мне нравиться: производите впечатление человека сильного, честного, смелого. В ваших глазах я увидел не поддающуюся определению, но в то же время несомненную озабоченность исследователя. Сразу видно, что много читаете, думаете, изучаете. Вы настолько же заметно отличаетесь от моих обычных клиентов, насколько я, по вашему собственному наблюдению, не похож на главаря банды убийц. Впрочем, правильнее было бы назвать моих сотрудников палачами.

– Да как ни назови, – возразил Уинтер Холл, – это не ослабит моего удивления тем обстоятельством, что вы занимаетесь таким... бизнесом.

– Но ведь вы вряд ли представляете, как именно мы ведем дела. – Задумавшись на мгновение, Драгомилов сплел длинные тонкие сильные пальцы. – Хочу заметить, что заказы мы осуществляем с большей долей этики, чем предусматривают наши клиенты.

– Этика! – рассмеялся Уинтер Холл.

– Да, именно так, хотя, признаю, в отношении нашего бюро слово звучит по меньшей мере забавно.

– Значит, вы так называете свою организацию?

– А что вас смущает? Название ничуть не хуже любого другого, – невозмутимо заметил Драгомилов. – Но, вступив в тесное сотрудничество с нами, вы обнаружите более высокий и продуманный уровень исполнения заказа, чем в деловом мире в целом. С самого начала я понял необходимость соблюдения определенных правил и с тех пор неуклонно их придер-

живаюсь. Поскольку мы действуем за рамками закона и постоянно рискуем, для достижения успеха нужно работать без осечек, полностью доверять друг другу и быть честными с клиентами. Вряд ли вы поверите, но огромное количество заказов мы отклоняем.

– Но почему? – искренне удивился Уинтер Холл.

– Потому что их исполнение было бы неправильно, несправедливо. Не смейтесь, пожалуйста. Дело в том, что сотрудники бюро едва ли не с фанатизмом воспринимают этическую сторону дела. Прежде чем принять решение, мы проводим тщательную проверку, иначе долго не протянули бы. Поверьте, это так. А теперь пора перейти непосредственно к делу. Вы пришли сюда благодаря проверенным каналам и можете иметь только одну конкретную цель. Кого же именно намерены казнить?

– А разве вы не знаете? – удивился Холл.

– Разумеется, нет. В сферу моих интересов данный вопрос не входит.

– Возможно, услышав имя, вы не найдете подтверждения в рамках санкции справедливости. Складывается впечатление, что считаете себя не только палачом, но и судьей.

– Я не палач. Никогда не участвую в реализации проектов. Это также не входит в сферу моих обязанностей. Я руководитель: выношу приговор – разумеется, внутренний, – и подчиненные приводят его в исполнение.

– А что, если они не справятся? – осведомился Уинтер Холл.

Драгомилову вопрос определенно понравился, и он улыбнулся:

– Ах, именно в этом и заключался камень преткновения. После долгих размышлений я пришел к выводу, что еще и по данной причине все наши действия должны иметь безукоризненное этическое обоснование. У нас собственный код справедливости и свой закон. В свои ряды мы принимаем людей исключительно порядочных, обладающих необходимыми физическими данными и крепкой нервной системой, поэтому все они безупречно соблюдают присягу. Должен признаться, были ошибки в подборе кадров. – Драгомилов на миг умолк и печально вздохнул. – Правда, все виновные понесли наказание, что послужило отличным уроком остальным.

– Хотите сказать...

– Да, их пришлось казнить, другого выхода не было, но подобные случаи крайне редки.

– Как же вам удается находить достойных исполнителей?

– Всякий раз, когда появляется вакансия, мы выбираем кандидатуру. Кстати, этим занимаются самые опытные исполнители. Находясь в гуще событий, они устанавливают множество связей и обладают куда более широкими возможностями оценки и подбора кадров, чем я. Так вот, после того как претендент утвержден, его подвергают испытанию. С определенного момента залогом верности и преданности становится его собственная жизнь. Я знаю всех кандидатов, постоянно получаю характеристики на них, но собственными глазами вижу редко, и очень мало кто из них видел меня.

Как правило, первое задание бывает попроще: к примеру, устранить какого-нибудь несправедливого или слишком жадного дельца, мелкого продажного чиновника. Согласитесь, это ничего, кроме пользы, миру не принесет. Но вернемся к теме. Каждый шаг кандидата в его первом деле отмечается нами таким образом, чтобы собрать против него улики, достаточные для обвинения любым судом страны. Причем все устроено так, что свидетельства поступают со стороны. Мы нигде и никогда не появляемся, именно поэтому еще ни разу не требовалось прибегать к закону для наказания провинившегося.

После успешного выполнения первого задания, когда кандидат становится одним из нас, мы приступаем к обучению его нашим методам...

– Правила этики входят в расписание занятий? – не удержался от саркастического вопроса Уинтер Холл.

– Непременно, – совершенно серьезно ответил хозяин кабинета. – Этика – один из важнейших предметов. Все, что не основано на понятии справедливости, подлежит беспощадному искоренению.

– А лично вам ближе принципы анархистов? – крайне неуместно осведомился посетитель.

Руководитель бюро покачал головой.

– Нет, я философ.

– Это одно и то же.

– Позволю себе не согласиться. Анархисты питаются благими намерениями, а я творю реальное благо. Какой смысл в философии, не имеющей практического применения? Возьмите традиционных анархистов. Вот они действительно решаются на убийство. День и ночь плетут заговор, разрабатывают тактику и, наконец, наносят удар, после чего почти неминуемо попадают в лапы полиции. А объект нападения, как правило, уходит целым и невредимым. У нас же процесс протекает иначе.

– Неужели никогда не терпите неудач?

– Стремимся исключить саму возможность провалов. Любой сотрудник, совершивший ошибку – неважно, по какой причине, – наказывается смертью. – Драгомилов с гордым видом помолчал и самоуверенно добавил: – Мы никогда не оставляем без внимания поражения. Конечно, на исполнение заказа предоставляем год. Если необходимо решить сложную, масштабную задачу, за дело берутся надежные помощники. Наша организация настолько безупречна, что даже если я неожиданно исчезну – например, умру, – мое детище продолжит функционировать столь же четко и отлаженно.

– А есть ли какие-то критерии приема заказов? – уточнил Уинтер Холл.

– Нет. Объектом может стать кто угодно – от особы королевской крови до простого крестьянина, – но только при одном условии: если казнь будет признана оправданной. Как только принимаем решение и оплату – предварительную, – заказ непременно выполняется, и после этого происходит полная оплата.

Пока Уинтер Холл слушал подробный рассказ о работе бюро, в сознании мелькнула настолько причудливая и безумная идея, что прогнать ее оказалось невозможно.

– Должен заметить, что вы подходите к делу как настоящий профессионал.

– Не стану спорить: готов признать себя фанатиком этики, – без ложной скромности заметил Драгомилов.

– Иными словами, готовы совершить все, что сочтете справедливым.

Глава бюро кивнул в знак согласия, и в кабинете повисла тишина.

– Вы определенно намерены кого-то устранить. Кого же именно? – заговорил наконец Драгомилов.

– Ваш рассказ до такой степени меня заинтересовал, что захотелось подойти к делу с особой осмотрительностью... например, для начала обсудить условия сделки. Наверняка существует прецедент, обусловленный... ценностью объекта.

Драгомилов кивнул.

– Что, если мне необходимо устранить короля? – поинтересовался Холл.

– Короли тоже разные, соответственно, и цена варьируется. Ваш избранник – король?

– Нет-нет, это я так, для справки. Мой кандидат хоть и обладает огромной властью, но аристократического титула не имеет.

– Случайно, не президент? – уточнил Драгомилов.

– Нет, никакого отношения к политике он не имеет. Частное лицо. Так какова же будет сумма за его устранение?

– Думаю, сложностей не возникнет, так что вам это обойдется дешевле.

– Не совсем так, – возразил Холл. – Объект обладает недюжинным умом, острой реакцией и редкой сообразительностью.

– Миллионер?

– Не знаю.

– Пусть будет сорок тысяч долларов, – заключил руководитель бюро. – Конечно, после тщательной проверки сумма может увеличиться или, наоборот, уменьшиться.

Посетитель достал из бумажника пачку крупных купюр, пересчитал и положил на стол.

– Предположил, что вы предпочитаете оплату наличными, поэтому подготовился. Насколько я понимаю, вы гарантируете, что объект будет убит...

– Я никого не убиваю! – жестко возразил Драгомилов.

– Значит, гарантируете организацию убийства того, кого я назову.

– Такая формулировка более корректна. Да, но, как я уже говорил, если расследование подтвердит справедливость казни.

– Хорошо. Все понятно. Значит, это может быть любой человек – даже мой или ваш отец?

– Ваш – да, а у меня нет ни отца, ни сына.

– А что, если я закажу себя самого?

– Заказ будет выполнен наилучшим образом. За ваши деньги любой каприз.

– Но ведь завтра или через неделю я могу передумать...

– К сожалению, ничего изменить уже будет нельзя, – решительно ответил Драгомилов. –

Как только приказ отдан, машина приходит в движение и остановить ее невозможно.

– Ясно. Но себя я устранять пока не собираюсь.

– Так кого же?

– Это некий деятель, которого знают в нашей стране как Иван Драгомилов.

Уинтер Холл произнес эту фразу спокойно, и так же спокойно собеседник на нее отреагировал, только заметил:

– Необходима более точная идентификация.

– Насколько мне известно, данный персонаж – уроженец России. Живет в Нью-Йорке. Блондин, совершенно бесцветный, вашего роста, комплекции и возраста.

Прежде чем заговорить, руководитель бюро долго смотрел на посетителя своими блекло-голубыми глазами.

– Я родился в селе Валенки. А откуда родом ваш объект?

– Вы удивитесь, но из того же села.

Драгомилов, не отводя от клиента пристального взгляда, медленно проговорил:

– Стало быть, вы заказали меня.

Не оставляя сомнений, Уинтер Холл кивнул.

– Поверьте, случай беспрецедентный, – заметил Драгомилов. – Должен признаться, что весьма озадачен: не представляю, когда я вам так насолил. Никогда прежде мы не встречались, я о вас даже не слышал, так что не могу даже предположить, каков мотив. К тому же, не забывайте, для исполнения заказа – иными словами, устранения объекта – необходимо неопровержимое и справедливое обоснование.

– Готов его предоставить, – уверенно отозвался Уинтер Холл.

– Но вам придется меня убедить.

– Сделаю и это. Идея родилась потому, что в ходе беседы мне стало совершенно ясно: что вы и есть то самое чудовище, которое возомнило себя чуть ли не Господом Богом. Следовательно, если мне удастся доказать социальную оправданность вашего устранения, заказ будет выполнен? Я правильно понимаю?

– Совершенно верно. – Драгомилов немного помолчал и вдруг улыбнулся. – Разумеется, ваш объект покончит жизнь самоубийством, а мы с вами находимся в Бюро заказных убийств.

– В таком случае вам придется отдать приказ одному из подчиненных. Насколько я могу судить, ему придется исполнить заказ даже под страхом собственной смерти.

Удивительно, но Драгомилова ситуация, похоже, забавляла: во всяком случае, обескураженным он не выглядел.

– Совершенно верно, и это лишний раз доказывает безупречную работу созданного мною предприятия. Оно способно действовать в любых обстоятельствах – даже столь неожиданных, как это. Вперед! Вы меня заинтриговали: оригинальный ход мысли, несомненное воображение, живая фантазия. Так будьте же добры, дайте этическое обоснование моего устранения из мира живых.

– Как известно, одна из заповедей гласит: «Не убий», – начал Уинтер Холл.

– Прошу прощения, – тут же перебил его Драгомилов. – Необходимо подвести незыблемую базу под дискуссию, которая в скором времени превратится в сугубо академическую. Суть заключается в том, что вам предстоит доказать следующий постулат: казнь оправдана содеянным мною злом, – но судить и принимать решение предстоит не кому-то другому, а именно мне. Так за какие же грехи меня надлежит устранить? Может быть, я приговорил к казни ни в чем не повинного человека? А может, каким-то образом нарушил мною же принятые законы, пусть даже неосознанно или случайно?

– Вопрос понятен и вынуждает меня изменить ход рассуждений, – парировал Уинтер Холл. – Прежде всего позвольте спросить: смерть Джона Моссмана ваша работа?

Драгомилов кивнул, и Холл продолжил:

– А ведь этот человек был другом моего отца, я знал его всю жизнь, с раннего детства, и уверен, что он никому не делал зла. Этот...

Уинтер Холл готов был продолжить свою пламенную речь, но поднятая рука и саркастическая усмешка собеседника заставили его замолчать.

– Примерно семь лет назад Джон Моссман построил масштабное здание фирмы «Фиделити» Но откуда же взялись бешеные деньги? Каким образом мелкий банкир консервативного толка внезапно создал целую сеть значительных финансовых предприятий? Должно быть, помните, какой огромный капитал остался после него. Интересно, откуда он его взял?

Холл хотел что-то возразить, однако Драгомилов жестом дал понять, что еще не закончил.

– Незадолго до строительства здания компании «Фиделити» некто Комбейн захватил фирму «Сталь штата Каролина», обанкротил и присвоил почти даром. Президент фирмы покончил жизнь самоубийством.

– Чтобы избежать тюремного заключения, – вставил Уинтер Холл.

– Его принудили к действиям шантажом.

Холл кивнул.

– Да, помню. Причем шантажировал один из агентов того самого Комбейна.

– И этим агентом выступил не кто иной, как Джон Моссман.

Холл хранил молчание, а собеседник тем временем продолжал:

– Уверяю вас, что могу это доказать, и докажу, но пока сделайте одолжение, примите мои слова на веру. Очень скоро вы убедитесь в их правдивости.

– Что же, ладно. Вы убили Столыпина.

– А вот здесь мы ни при чем. Это дело рук русских террористов.

– Честное слово?

– Не сомневайтесь.

Холл перебрал в уме все памятные преступления и совершил новый выпад:

– А Джеймс и Хардман – президент и секретарь Юго-Западной федерации горняков, – как быть с ними?

– Да, обоих профсоюзных лидеров действительно казнили мы, – признал Драгомилов. – Но что же здесь несправедливого? Что вас смущает?

– Вы гуманист, а потому должны ценить как сам труд, так и людей труда. Гибель руководителей организации стала огромной потерей для рабочего класса.

– Глубоко заблуждаетесь, – возразил Драгомилов. – Джеймс и Хардман были казнены в тысяча девятьсот четвертом году. В течение шести предшествовавших лет федерация профсоюзов не одержала ни одной победы: напротив, потерпела сокрушительные поражения в трех мучительных забастовках, – а за полгода после устранения лидеров шахтеры выиграли крупную забастовку тысяча девятьсот пятого года, и с тех пор вплоть до сегодняшнего дня продолжают одерживать победу за победой.

– Что вы имеете в виду? – уточнил Холл.

– Во-первых, что Лига владельцев шахт к казни непричастна; во-вторых, что Джеймс и Хардман тайно получали от лиги взятки, причем значительные, в-третьих, что факты предательства профсоюзных лидеров представила нам и заплатила за услуги двадцать пять тысяч долларов – ровно столько, сколько мы запросили, – группа горняков.

Уинтер Холл не смог скрыть удивления и растерянности, а заговорить смог лишь после долгих раздумий.

– Поверю вам, мистер Драгомилов, на слово. Завтра-послезавтра зайду, чтобы услышать и обсудить доказательства. Впрочем, думаю, что разговор получится формальным. А пока мне придется поискать другой способ убеждения: список убийств очень длинный.

– Куда длиннее, чем полагаете.

– Не сомневаюсь, что каждому из них имеется веское оправдание. Хочу подчеркнуть: я не считаю, что какому-то из убийств есть оправдание, но верю, что вы сумели найти убедительные аргументы в их пользу. Высказанное вами предположение, что дискуссия примет академический характер, оказалось оправданным, но другого способа переубедить вас я не знаю. Давайте отложим разговор до завтра. Может быть, встретимся за ленчем?

– Думаю, целесообразнее поговорить здесь. – Драгомилов жестом указал на заполненные книгами полки и с улыбкой добавил: – Как видите, в моем кабинете множество авторитетов. А если вдруг не хватит и их аргументов, всегда можно кого-то послать в филиал Библиотеки Карнеги – благо здание здесь неподалеку, за углом.

Он нажал кнопку звонка, тут же появился слуга, и собеседники встали.

– Не забудьте: нам предстоит словесный поединок, и я намерен победить, – напомнил Уинтер Холл на прощание.

Драгомилов усмехнулся:

– Очень сомневаюсь, но если это все-таки произойдет, случай можно будет внести в ряд уникальных.

Глава 5

Дискуссия между Холлом и Драгомиловым тянулась в течение нескольких долгих дней и даже ночей. Поначалу ограниченный вопросами этики, постепенно спор становился все шире и глубже, захватывая все новые и новые аспекты. Поскольку этика лежит в основе любой науки, дискутирующим пришлось пробиваться через пласт множества научных дисциплин, чтобы добраться до настоящего, нерушимого фундамента. От выдвинутого Холлом постулата «Не убий» Драгомилов потребовал более убедительного философского обоснования, чем то, которое предоставляет религия. В то же время, чтобы донести собственные мысли и рассуждения до оппонента, каждый из собеседников счел необходимым заострить внимание на важнейших гипотезах и принципиальных идеях другого.

Это была упорная борьба двух ученых, чьи теории основывались на богатом практическом опыте. И все же всякий раз искомая истина терялась в пылу спора и столкновения мнений. Холл с уважением признал, что Драгомиловым движет исключительно стремление к правде; что назначенная за проигрыш цена – собственная жизнь – вовсе не влияет на строгую логику его рассуждений. Главный вопрос заключался в том, оправданно ли существование такой карающей организации как Бюро заказных убийств с точки зрения социальной справедливости.

Главный тезис Холла, от которого он не отклонялся, а, напротив, на котором концентрировал все свои аргументы, состоял в том, что на современной стадии эволюции общество в целом должно найти собственный путь к спасению. Он утверждал, что прошли те времена, когда судьбу человечества решал всадник в доспехах, ну или в крайнем случае небольшая группа всадников. Драгомилов, по его мнению, мнил себя именно таким рыцарем, а созданное им бюро считал тем самым конем, на котором отважно скакал, присвоив себе право судить и казнить, считая, что тем самым направляет развитие общества в желанное русло.

Драгомилов, со своей стороны, вовсе не отрицал, что играет роль избранного героя, который осмеливается думать за других, не наделенных столь глубоким разумом людей, принимать судьбоносные решения и толкать общество вперед по пути развития, однако решительно отвергал мысль, что человечество в целом способно управлять собой и, несмотря на промахи и ошибки, может размеренно и упорно двигаться по пути социального прогресса. В этом и заключалась суть противоречия, для разрешения которого собеседники вникали в давние события и прослеживали историческое развитие от мельчайших известных подробностей существования примитивных групп до современной стадии развития цивилизации.

Однако спорщики отличались столь высокой степенью практичности сознания и были так далеки от метафизики, что в качестве определяющего фактора любого действия признавали общественную целесообразность и считали данное понятие в высшей степени этичным. В итоге с точки зрения избранной позиции Уинтер Холл одержал победу, а Драгомилов, пусть и неохотно, все-таки признал собственное поражение. В запале долгого и трудного поединка, подчинившись мгновенному порыву, Холл протянул достойному сопернику руку. Драгомилов был весьма удивлен, но ответил крепким пожатием и заметил:

– Теперь совершенно ясно, что я недооценивал социальные факторы. Убийства недопустимы не столько из-за своей сути, сколько с точки зрения общества. Да, согласен с данным постулатом. Что же касается отдельных личностей, то здесь все правильно. Однако подвох заключается в том, что отдельные личности не существуют сами по себе, а объединяются в группы. Вот здесь-то и кроется главная ошибка. Теперь это ясно, хотя и не до конца. В конечном счете действия мои нельзя считать оправданными. Ну а теперь... – Он умолк и посмотрел на часы. – Уже два часа ночи. Что-то мы засиделись. Теперь готов понести наказание. Вы, конечно, предоставите время, чтобы уладить дела, прежде чем я отдам приказ своим агентам?

Давно забыв первоначальные параметры спора, при этих словах Холл испытал глубочайшее потрясение.

– Не ожидал подобного развития событий, и, честно говоря, совсем забыл о договоре. Полагаю, соблюдать его необходимости нет. Теперь вы и сам понимаете несостоятельность убийств. Будет вполне достаточно просто ликвидировать бюро и распустить агентов.

Но Драгомилов покачал головой.

– Нет, договор есть договор. Я принял ваш заказ. То, что правильно, остается правильным, и в данном случае доктрина социальной целесообразности не действует. Отдельная личность как таковая обладает собственными прерогативами, важнейшая из которых – способность держать данное слово. Я обязан выполнить обещание. Заказ будет исполнен. Боюсь, что он станет последним делом нашего бюро. Сегодня суббота. Позвольте отложить акцию до завтрашнего вечера?

– Что за ерунда! – воскликнул Холл.

– Это не аргумент, – серьезно возразил Драгомилов. – К тому же спор уже закончен, и я отказываюсь что-либо слушать. Но ради справедливости должен заметить: учитывая, что убить меня будет ох как непросто, предлагаю повысить цену по крайней мере на десять тысяч долларов. – Он поднял руку, не желая слушать возражения. – О, поверьте, сумма весьма скромная. Я постараюсь настолько осложнить агентам задачу, что пятьдесят тысяч покажутся мелочью...

– Если согласитесь распустить свое бюро...

Однако договорить ему Драгомилов не позволил:

– Все, дискуссия закрыта! Остальное – исключительно мое дело, а бюро перестанет существовать в любом случае. Но предупреждаю: в соответствии с нашим уставом я имею право уклониться от казни. Если помните, при заключении сделки я предупредил, что если заказ не будет исполнен в течение года, то аванс поступит заказчику с пятипроцентной надбавкой. Если же останусь в живых, сам верну вам деньги.

Уинтер Холл нетерпеливо отмахнулся и горячо возразил:

– Послушайте, на одном положении я все же настаиваю: мы с вами сошлись во мнениях относительно основы этики. Поскольку общественная целесообразность является фундаментом любой этики...

– Простите, – перебил его Драгомилов, – только социальной этики. В определенных аспектах индивидуум остается индивидуумом.

– Ни один из нас не признает древнего иудейского принципа «око за око», – продолжил Холл. – Мы не верим в наказание за совершенное злодеяние. Оправданные преступлениями жертв убийства не рассматривались вами в качестве наказаний. В этих людях вы увидели социальное зло, искоренение которого принесло обществу пользу. Вы очистили от них мир точно так же, как хирург очищает организм от раковой опухоли. Эту идею я понял в самом начале нашей дискуссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.